ВОСПОМИНАНІЯ Л. И. РИКОРДЪ.

II [1]).

Отъѣздъ въ Камчатку.

Прошло четыре мѣсяца послѣ моего замужства. Мужъ мой, Петръ Ивановичъ Рикордъ, съ производствомъ въ чинъ флота капитана 1-го ранга, назначенъ былъ начальникомъ Камчатской области срокомъ на пять лѣтъ, кромѣ проѣзда туда и обратно, на что требовалось болѣе полуторагодичнаго времени [2]).

1817-го года 16-го февраля, на Васильевскомъ островѣ, по 14-й линіи за Малымъ проспектомъ, уложивши все свое имущество въ просторную рогожную кибитку, мы съ мужемъ усѣлись въ ней и тройка удалая съ колокольчикомъ изъ Валдая, съ веселымъ ямщикомъ, быстро помчала насъ къ заставѣ, гдѣ, простившись съ друзьями, насъ провожавшими, мы пустились по московскому тракту, по ухабистой дорогѣ. Кибитку нашу бросало во всѣ стороны и нерѣдко выбрасывало насъ изъ нея въ снѣговые сугробы. При такой безпокойной ѣздѣ, мы ѣхали день и ночь до Москвы, гдѣ пробывъ одну недѣлю, снова въ той-же кибиткѣ поѣхали далѣе по сибирскому тракту къ Иркутску. Ночлеги имѣли только по городамъ. 24-го марта, наканунѣ св. Пасхи, мы въѣхали въ Томскъ, на разстояніи отъ Петербурга въ 4,052½ версты.

[1]) Первый очеркъ изъ «Воспоминаній» вдовы незабвеннаго адмирала П. П. Рикорда—Людмилы Ивановны Рикордъ—напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 499—512.

[2]) Людмила Ивановна Рикордъ род. въ 1794-мъ году. Въ 1855-мъ году она лишилась своего мужа, скончавшагося въ чинѣ полнаго адмирала. Какъ покойный адмиралъ, такъ супруга его—стяжали чувства всеобщаго къ себѣ уваженія и любви. Вдова адмирала Рикорда — посвятила себя дѣлу благотворенія и кто сколько нибудь слѣдилъ за поддержкой православія въ средѣ населенія Прибалтійскаго края, тотъ знаетъ заслуги Людмилы Ивановны этому святому дѣлу. Искренно желаемъ этой высокоуважаемой русской женщинѣ много и много еще лѣтъ съ обычною ей бодростью, энергіей и увлеченіемъ заниматься ея излюбленнымъ дѣломъ. Ред.

Въ Томскѣ, радушный пріемъ губернатора, г. Ильячевскаго, и его супруги сохранится навсегда въ моей памяти съ благодарностью. Заботливость ихъ доставить намъ, утомленнымъ мучительнымъ путемъ, покойное помѣщеніе и всевозможныя увеселенія по случаю праздника Свѣтлой недѣли, все выказывало ихъ образованность, доброту души и сочувствіе къ заѣзжимъ, у которыхъ сердца томились тоскою по роднымъ и родинѣ, особенно въ такіе торжественные дни, какими почитаются дни святой Пасхи. Въ концѣ Ѳоминой недѣли мы оставили, не безъ сожалѣнія, Томскъ, и въ полуоткрытомъ, безъ рессоръ, тарантасѣ, по дорогѣ, еще не совсѣмъ просохшей, мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Трава стала показываться, лѣсъ начиналъ распускаться и на обширныхъ полянахъ красовались группами развѣсистыя березы огромной высоты; на вѣтвяхъ ихъ сидѣли стаи куропатокъ и тетеревей; вообще мѣста были пріятныя для глазъ, но безлюдныя и пустынныя. Дикія козы часто перебѣгали черезъ нашу дорогу. Такимъ путемъ безостановочно проѣхали мы 1,500 верстъ и остановились на берегу рѣки Ангары. Въ сторону отъ дороги нашей видѣнъ былъ мужской монастырь Иннокентія, съ красивою церковью и каменными зданіями; мы туда отправились, чтобы приложиться къ мощамъ. Возвратившись оттуда, взошли на паромъ, который и перевезъ насъ черезъ рѣку Ангару, необыкновенно быструю, съ прозрачною, чистою водою; мы сошли съ парома на пристань у каменныхъ тріумфальныхъ воротъ, роскошно и красиво устроенныхъ при въѣздѣ въ столицу Сибири — Иркутскъ, гдѣ, по дѣламъ службы мужа моего, остались болѣе мѣсяца. Городъ этотъ довольно обширный, есть каменные двухэтажные дома, но бо́льшая часть—одноэтажныхъ деревянныхъ. Высшее общество, въ которое я должна была съ мужемъ являться, состояло изъ чиновниковъ и ихъ семействъ, было въ замѣтномъ подобострастіи къ первенствующимъ лицамъ; своеобразіе въ приличіяхъ и дѣйствіяхъ не мало меня поразило [1]).

Изъ Иркутска до Якутска—разстояніе до 3,000 верстъ—нужно было плыть по величественной рѣкѣ Ленѣ, на простаго устройства баркѣ съ весьма незатѣйливымъ помѣщеніемъ. Вы-

[1]) Дамы, пріѣзжающія съ визитами или по приглашенію, войдя въ гостиную, гдѣ на диванѣ сидѣла супруга губернатора, низко ей кланялись, а она, сидя, протягивала имъ руку, которую тѣ и цѣловали. Л. Р.

бирать было не изъ чего: эта барка была единственнымъ судномъ для пользованія проѣзжающихъ по рѣкѣ Ленѣ, и мѣстное ея названіе было павозокъ; перебравшись на нее, мы нашли помѣщеніе свое довольно сноснымъ и 14-ти-дневное плаваніе наше по ней составляло самое пріятнѣйшее изъ всѣхъ нашихъ разнообразныхъ путешествій. Берега рѣки Лены вычурно-красивы; сплошной крутой берегъ изрѣдка прерывается низменностями; высокія каменистыя скалы съ поросшимъ на нихъ густымъ лѣсомъ выказываютъ фантастическую причудливость въ подобіяхъ: то представляется видъ руинъ, то высокихъ стѣнъ и башень, и тому подобныхъ видовъ; а по извилистому теченію рѣки виды, какъ картины волшебнаго фонаря, смѣнялись ежечасно, что составляло для меня увлекательное зрѣлище. Я почти не сходила съ палубы барки, и на протяженіи трехъ тысячъ верстъ этого пути мы видѣли только два небольшихъ уѣздныхъ городка, у которыхъ пріостанавливались на короткое время.

27-го мая, въ теплый праздничный день, по четырнадцатидневномъ плаваніи, павозокъ нашъ остановился у праваго берега рѣки Лены, на которомъ красовался городъ Якутскъ. Здѣсь ширина Лены, какъ мнѣ сказали, доходитъ до 15-ти верстъ. Берегъ рѣки былъ усѣянъ народомъ, все обозначало праздничное гулянье и ожиданіе прибытія перваго военнаго судна; городская полиція и самъ начальникъ Якутской области, г. Миницкій, съ семействомъ, стояли на берегу, будучи дружески знакомъ съ моимъ мужемъ. Когда перекинута была съ береговой пристани на наше судно обитая краснымъ сукномъ дощатая половица, то г. Миницкій приблизился къ намъ, радостно обнялся и здоровался съ моимъ мужемъ, и потомъ, взявъ за руки его и меня, ввелъ на парадную перекладину... но вдругъ, моментально, она подъ нами переломилась пополамъ и мы всѣ полетѣли въ рѣку, глубиною до трехъ саженей!... Съ этой минуты я болѣе себя не помнила, и, очнувшись, увидѣла, что нахожусь въ коляскѣ окутанная, въ чужомъ платьѣ и салопѣ; въ такомъ видѣ привезли меня въ домъ начальника, гдѣ были приняты всѣ мѣры, чтобъ меня успокоить и уложить въ постель. На другой день я была ужъ на ногахъ; тогда пересказали мнѣ о всей опасности нашего паденія, объ удивительномъ и отважномъ дѣйствіи жителей и полиціи для нашего спасенія. Въ дружескомъ къ намъ семействѣ г. Миницкаго

мы пробыли въ Якутскѣ, въ пріятномъ времени - провожденіи, болѣе двухъ недѣль, которое время потребовалось для приготовленія на необычный, въ 1,500 верстъ, переѣздъ верхомъ на лошадяхъ; багажъ нашъ увязывали въ тюки, обшивали кожею, связывали ремнями, чтобы перекладывать ихъ черезъ спину лошадей; для такого переѣзда намъ понадобилось около ста лошадей. Для всѣхъ были готовыя лошади съ казацкими сѣдлами: дамское сѣдло не годилось для такой дороги.

На загородную площадь, гдѣ все было готово къ отправкѣ насъ и нашего имущества, мы пріѣхали изъ города въ колескѣ; казаки разсадили насъ на осѣдланныхъ коней и въ сопровожденіи ихъ одна лошадь за другою потянулись впередъ. Здѣсь не было того, что называемъ мы дорогою: по выбитымъ въ разныхъ направленіяхъ тропамъ брели лошади по своей волѣ. Такимъ же неудобнымъ путемъ производилось снабженіе и продовольствіе двухъ областей, Камчатской и Охотской. Намъ сопутствовалъ негоціантъ американецъ г. Пиготъ; при мнѣ была моя горничная. Когда насъ на площади разсадили на лошадей, то надѣли на наши головы что-то въ родѣ фонаря, сшитаго изъ прозрачной ткани, вытканой изъ конскаго волоса, нарочито для сего употребляемой для защиты отъ комаровъ; кромѣ того, дали еще въ руки по махалкѣ изъ конскихъ волосъ, чтобы отмахиваться отъ этихъ кусливыхъ насѣкомыхъ, наполняющихъ воздухъ и не дающихъ ни днемъ, ни ночью покоя. Въ такихъ донкишотскихъ костюмахъ мы путались по тропинкамъ, подвергаясь ежечаснымъ опасностямъ. Этотъ нашъ ужасный переѣздъ окончился въ городѣ Охотскѣ, у самаго Восточнаго океана. Яблоновскій хребетъ, растянутый на 800 верстъ, загромождаетъ это пространство вязкими болотами, мѣстами усыпанными крупными камнями, быстрыми рѣками, чрезъ которыя я переплывала будучи опоясана поясомъ, концы котораго по обѣимъ сторонамъ возлѣ меня держали казаки; лошадь плыла, а я крѣпко держалась за ея гриву. Переплывши на другой берегъ, остановились, сняли съ себя все мокрое и, переодѣвшись въ сухое, снова пустились въ путь. Во весь переѣздъ я не видѣла ни одного жилья. Служащимъ вмѣсто станцій, земляным юртамъ съ дымными очагами, даже и въ дождливую погоду, мы предпочитали палатку, которая была съ нами. Перебираясь черезъ знаменитый Яблоновъ хребетъ, мы пріостано-

вились на высочайшей изъ его горъ подъ названіемъ Юникон, по измѣренію геологовъ до 6,000 футовъ высоты. Мы сошли съ лошадей. Величественный и ужасающій видъ былъ передъ глазами моими! Весь горизонтъ застилали густыя облака, сквозь которыя высунувшіяся вершины горъ казались островами этого облачнаго моря. Небольшая площадка, на которой мы остановились, была вершиною горы Юникона, гдѣ, вмѣсто зеленой травы, черный густой мохъ застилалъ крупные камни. Ни птицы, ни червя, и даже ни одного комара! Видъ этой величественной и вмѣстѣ грустной, ужасающей пустыни навсегда впечатлѣлся въ моемъ воображеніи. Мы оставались болѣе часу въ этомъ вышеоблачномъ мѣстѣ, и къ концу дня спустились на низменность, оставя всѣ горы за собою. Двадцатидневный путь свой верховой ѣзды мы окончили въ самомъ городѣ Охотскѣ, гдѣ остались ожидать прибытія казеннаго судна, чтобы на немъ отправиться къ полуострову Камчаткѣ, въ Петропавловскій портъ.

Охотскъ стоитъ на низменномъ берегу океана. Постройки въ городѣ весьма бѣдныя, климатъ самый суровый: въ іюлѣ еще топятъ печи; постоянный шумъ отъ высоковздымающихся на берегъ волнъ, неумолкающій ни днемъ, ни ночью, не давалъ мнѣ спать и я отъ тоски заливалась слезами.

Изъ Охотска на двухмачтовомъ военномъ бригѣ мы, довольно благополучно выдержавши нѣсколько порядочныхъ бурь, въ 25 дней проплыли болѣе 3,000 верстъ и 25-го августа вышли на берегъ полуострова Камчатки. Петропавловскій портъ, назначенный для пребыванія начальства, находится между двухъ высокихъ и длинно протянувшихся горъ, въ ущельи коихъ стояла низенькая убогая церковь; близь нея не болѣе 50-ти хижинъ съ травяными крышами (тамъ нѣтъ соломы), безъ дворовъ, безъ воротъ и пристроекъ, безъ улицъ; постройки въ безпорядочномъ видѣ разбросаны были по берегу гавани, составляя городское заселеніе; казенныя зданія болѣе нежели въ скромномъ видѣ выказывались.

Насъ проводили въ домъ, назначенный для начальника области. Взошедши туда съ мужемъ моимъ, мы нашли четыре небольшія комнаты; столъ и стулья простаго дерева составляли весьма скудную обстановку назначеннаго для насъ жилища. Но всего грустнѣе для меня было то, что въ оконныхъ рамахъ не-

большаго размѣра не было стеколъ, а вмѣсто ихъ была вставлена слюда, кусочками сшитая. Свѣтъ черезъ слюду въ комнату проникалъ тускло, а видъ черезъ окна былъ неясный. Домъ этотъ стоялъ на косогорѣ, близь морскаго берега, и въ тихой водѣ гавани отражались, какъ въ зеркалѣ, вершина дымящейся Авачинской сопки и хижины городскаго селенія на берегу. Воды здѣшняго океана изобилуютъ разнаго рода рыбою, морскими звѣрями и, между прочими, китами; я часто выходила на морской берегъ, любуясь плывущимъ густымъ стадомъ крупныхъ рыбъ, величиною до двухъ аршинъ; онѣ одна другую толкали, выбираясь изъ тѣснаго стада. Порода тамошнихъ рыбъ походитъ на осетровъ и прочихъ крупныхъ краснотѣлыхъ породъ, весьма вкусная и жирная; мелкая рыба, похожая на сельдей, появляется густыми стадами, и тогда-то китъ, открывъ пасть, захватываетъ массами эту рыбу. Нерѣдко, сидя въ своей комнатѣ у окна, я вздрагивала, когда китъ, подплывъ, выбрасывалъ фонтанъ воды изъ высунувшейся головы и, страшно фыркнувъ, проворно уходилъ прочь.

Въ одно лѣто, жители извѣстили мужа моего, что мертвый китъ выброшенъ на берегъ моря въ пяти верстахъ разстоянія отъ нашего жилища. Я не хотѣла отстать отъ компаніи, которая состоялась для поѣздки къ киту, и рано утромъ мы туда отправились верхомъ. Небольшой этотъ переѣздъ былъ соединенъ съ значительнымъ затрудненіемъ и неудобствомъ: трудно было пробираться по мѣстности, гдѣ не было никакого путеваго сообщенія; при насъ было четыре солдата съ заряженными ружьями, для обстрѣливанія нашего шествія отъ нападенія медвѣдей, которые въ значительномъ числѣ вездѣ разгуливали и собирались на ночную работу около кита: обрывать съ него жиръ. Шесть человѣкъ тащили легонькій, изъ коры березовой сшитый, челночокъ, чтобы переплывать быстрыя, узенькія рѣчушки; кромѣ того, они несли за плечами палатку, самоваръ и провизію; два солдата были съ топорами, чтобы устраивать мосточки и застилать ручьи. На этомъ пятиверстномъ разстояніи мы переплыли въ челнокѣ, по одному человѣку вмѣщавшемъ, двѣ рѣчки; осторожно переходили по сдѣланнымъ тогда же перекладинамъ черезъ быстрые ручьи; пробирались по тундрамъ, поросшимъ такою высокою травою, что я, сидя на лошади, должна была руками отбрасывать голову-опутывающіе травяные стебли, которые удивляли меня своимъ рос-

кошнымъ ростомъ. Каждые полчаса, солдаты отстрѣливались отъ медвѣдей, а бо́льшая часть дороги нашей была не болѣе, какъ—вытоптанныя ими тропинки. Наконецъ, послѣ шестичасовой ѣзды, мы выбрались на просторъ и свободно вздохнули, увидя передъ собою сливающійся съ небомъ океанъ и спустившись на низменный его берегъ. Пройдя не болѣе ста шаговъ, мы были остановлены значительною возвышенностью, закрывшею отъ насъ и море и горизонтъ, похожею на земляной валъ или насыпь. Это лежалъ мертвый китъ, волнами моря выброшенный на песчаный берегъ! Объемъ этого морскаго чудовища не легко было окинуть глазами. Китъ этотъ былъ въ длину 12 саженей. Меня поразили его огромность и безобразіе! У него все тѣло покрыто короткою, сѣраго цвѣта, щетиною, которая лоснится отъ проникавшаго черезъ тонкую кожу жира. Съ помощью провожатаго поднялась я съ хвоста на спину и прошла по ровной спинѣ кита 48 шаговъ. Я ступала по немъ, какъ-бы по туго набитой подушкѣ; ноги скользили и вдавливались въ его мягкое и жирное тѣло, которое нисколько не было испорчено и не имѣло никакого запаха. Пройдя два раза по ровной поверхности спины, я спустилась къ головѣ и въ отверстіе на ней,—изъ котораго онъ выбрасываетъ фонтанъ воды саженей до трехъ высотою,—я опустила палку длиною до трехъ аршинъ, нарочито для этого изготовленную, которая и ушла вся туда. По обѣимъ сторонамъ головы кита лежали длинные (болѣе трехъ саженей) усы его—эти чернаго цвѣта, болѣе трехъ вершковъ толщиною, доски; по краямъ ихъ висѣли, какъ бахрома, издерганные временемъ края усовъ; китъ лежалъ спиною вверхъ; отъ головы я прошла еще разъ по спинѣ и спустилась съ хвоста.

Выкинутый китъ составилъ для тамошняго бѣднаго края Богомъ данную манну. Такіе случаи бываютъ очень рѣдки: во все семилѣтнее наше пребываніе тамъ, это случилось только одинъ разъ; поэтому со всего полуострова Камчатки собрались жители съ женами и дѣтьми. Все населеніе торжественно пировало, пустыня кипѣла людьми всѣхъ возрастовъ, разводили огни, въ котлахъ кипѣлъ жиръ, и жители, засыпавъ его мукою или крупою, аппетитно кушали такую своеобразную похлебку. Дѣти бѣгали съ кусками бѣлаго жира въ рукахъ и смоктали ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Множество собакъ, которыя замѣняютъ

тамъ лошадей, обрывали у кита съ боковъ кожу съ жиромъ. По виду китовый жиръ походитъ на свиной: онъ очень бѣлаго цвѣта; но вкусъ его непріятенъ.

Работа около кита кипѣла. Пріѣхавшіе за добычею взбирались на спину кита и вырѣзывали квадратные куски жира величиною въ аршинъ; и такой-то величины кусками изрѣзывалась спина въ глубину на три яруса! И все это былъ чистый бѣлый, плотный жиръ, а затѣмъ уже оставалась жидкая внутренность, въ которую рабочіе остерегались попасть. Чтобъ не соскользнуть, они опоясывали себя веревками и опускались по лѣстницѣ, чтобы не утонуть въ внутренности кита. Работали весело и ревностно. Каждый нарѣзывалъ себѣ сколько могъ кусковъ; но чтобы всего кита убрать, у нихъ къ тому не было средствъ. Иностранцы-китоловы вытапливаютъ жиру съ одного такого кита болѣе 250 бочекъ. Неуклюжее это животное терпитъ отъ преслѣдованій другихъ мелкихъ морскихъ звѣрьковъ, которые вырываютъ у него для своего лакомства языкъ въ тотъ моментъ, когда китъ растворяетъ свою огромную пасть, чтобъ схватить мелкую рыбу для своей пищи. Камчадалы сказывали, что и этотъ китъ былъ безъ языка.

Работа надъ китомъ продолжалась болѣе мѣсяца; жители были вполнѣ осчастливлены этою легкою и богатою добычею и благодарили за то Бога.

День склонялся къ вечеру, а потому мы, оставшись совершенно довольны своимъ зрѣлищемъ, возвратились тѣмъ-же путемъ домой.

Примѣчаніе. Довольно значительной величины китовые усы находятся въ Стрѣльнѣ у дворца Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Усы эти представлены мною Его Высочеству, во исполненіе завѣщанія покойнаго моего мужа, послѣ его смерти. Они и теперь стоятъ тамъ въ саду, близъ дворца у гимнастики для дѣтей.

Л. И. **Рикордъ**.

С.-Петербургъ, 1878 г.